

E. V. Луняев

ЭТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Работа представлена кафедрой эстетики и этики.

Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. Е. Зимбули

Понятие «Просвещение» и обозначающий его термин возникли в среде тех, кого мы называем просветителями XVIII века, и употреблялись ими как самоназвание. Согласно логике данной статьи, Просвещение будет интересовать нас именно как культурный миф XVIII века, определенная культурная ориентация, характеризующая самооценку людей XVIII столетия и их историческую психологию и порождающая культурный плюрализм, выходящий за пределы отдельной страны.

«Светоносным ядром» Просвещения стала Франция. В общем культурном пространстве европейского Просвещения Париж занимал центральное место. По мнению Ю. М. Лотмана, «с французской точки зрения, “распределение света” представ-

ляло как бы монополию Франции, а вся культура Просвещения мыслилась как огромный монолог, обращенный от лица французской культуры к человечеству». Но с русской точки зрения дело выглядело иначе: усвоение идей Просвещения сопровождалось их трансформацией. Из этого вытекало естественное представление, что истинные, «правильные» идеи Просвещения воплощены в их русском варианте, французские же искажены. Кроме того, пассивная роль получателя текстов, «слушателя» культурного монолога, роль младшего партнера не могла удовлетворить динамическую и быстроразвивающуюся молодую культуру. Все это вылилось в борьбу за центральное место в культурном пространстве и за роль ведущего партнера.

Таким образом, можно отметить, что, с одной стороны, Просвещение приобрело характер общеевропейского культурного явления. Более того, именно в эпоху Просвещения мы можем говорить о Европе как *едином культурном ареале*. Но, с другой стороны, культурное пространство этого ареала не было единым, а представляло картину разнообразных трансформаций, которым подвергалась некоторая ядерная культурная структура.

XVIII век был одержим идеями социального конструирования, главными направлениями которого были: создание разумного законодательства и корректировка социального поведения человека с помощью воспитания. Политика просвещенного абсолютизма, общепринято хронологические границы которого заключают в себе период с 1740 по 1789 год (от вступления на престол Фридриха II до Великой французской революции), выражалась в преобразовании средневековых феодальных институтов. Характерной чертой просвещенного абсолютизма был «союз монархов и философов», которые стремились подчинить государство чистому разуму. При этом монарх часто отождествлялся с этим разумом. Достаточно вспомнить титулы Екатерины II: «Минерва» и «Премудрая Мать Отечества».

На мой взгляд, концептуальную основу Просвещения составляют две теории. Во-первых, это *теория общественного договора* (Г. Гроций). Согласно ей государственная власть возникает в результате соглашения между людьми, которые вынуждены переходить от беззащитного естественного состояния к защищенному гражданскому. Наиболее радикальную трактовку эта теория получила в книге Ж.-Ж. Руссо «Об общественном договоре». Вторая важнейшая теория – *теория познания*, развивающаяся в рамках парадигмы, предложенной Дж. Локком.

Над феноменом Просвещения начали рассуждать мыслители, собственно принадлежавшие эпохе Просвещения. Так, И. Кант в работе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» доказывал, что «Век Разума» со-

здал предпосылки для критики самого разума, поскольку показал, что хотя разум и может обеспечить нам ясность знаний, но он ограничен, и не в его силах познать все стороны человеческого существования. Само Просвещение философ сравнивает с совершенолетием, временем активного перехода во взрослое состояние. Кант пишет: «Публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным и только оно может дать просвещение людям. Но частное пользование разумом нередко должно быть очень ограничено, но так, чтобы особенно не препятствовать развитию просвещения»¹. Эту позицию в русской истории выразила императрица Екатерина II и ее окружение, или официально-охранительное направление русского Просвещения. Кант вслед за русской императрицей формулирует центральную идею государства и подданных в условии просвещенного абсолютизма: «Просвещенное государство может сказать то, на что не отважится республика: рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!»² (Екатерина прямо говорит о послушании как главной характеристике идеального подданного.)

Логичным выводом из концепции «просвещенного абсолютизма», принятой Екатериной, было усиление государственного контроля над всеми областями культурной деятельности, что оправдывалось пониманием просвещения как способа совершенствования нации. И вот на фоне такой политики появляется *новое учение о человеке и мире*, облечено в тайные обряды, защищенное от профанов системой знаков и символов, – *учение масонов*. Русская интеллигенция начинает собираться и организовываться в «культурный слой» не у подножия трона Екатерины Великой (эта красивая государственная идея «слуг престола» воплощена в известном памятнике императрице Екатерине II на пл. Островского), а в ложах вольных каменщиков, из которых незримо управляются общественные негосударственные организации, университеты. Ложи появляются во всех крупных городах,

в них вступают губернаторы, высшие чиновники, военные.

Формально русское масонство может признать себя восьмой провинцией всемирного масонского братства и подчиняться кому угодно: шведскому принцу, брауншвейгскому герцогу, прусскому министру или французскому философу, но это не духовное и не политическое рабство, а понятное в данной исторической ситуации желание любой ценой получить в просвещенной Европе новые идейные материалы, политический опыт и организационные формы для национальной созидательной работы. Здесь и проходит незримая грань между двумя культурными мирами – Россией и Западом. Происходят неизбежный, весьма целеустремленный отбор и переоценка предлагаемых извне духовных ценностей.

Масоны применили против просветителей их же идеологические и организационные методы борьбы с абсолютистским государством и тоталитарной, по их мнению, культурой «официального» классицизма, точно так же сумели опереться на новую силу – общественное мнение и нарождающееся третье сословие, воспользовавшись стратегическими ошибками своих противников. Сами русские масоны считают себя просветителями, важной частью общего движения XVIII столетия к Просвещению, они вступают в орден, чтобы «узреть свет»³.

На мой взгляд, именно на этом этапе противостояния разных истин появляется особый метод, претендующий на универсальность и целостностный взгляд на мир – энциклопедизм. Это «попытка количественного преобразования рационализма; с целью устранения внутреннего ограничения, рационализм распространялся на все

структуры бытия, определяя его». На страницах печатных изданий разразилась настоящая полемика, главным образом этическая, в которой и происходило становление российской идеологии нового просвещенного государства.

Есть у русских вольных каменщиков свое название для эпохи Просвещения, в которую они живут и делают тайную «свою» работу. Масон, переводчик мистических книг и поэт А. Ф. Лабзин говорит ясно: «Ложное Просвещение, пролившееся всюду, есть та река, которая стремится поглотить Истину, хотяющую породить нам мужественное чадо и бегущую для того из градов в пустыни и степи»⁴.

Таким образом, можно определить эпоху Просвещения следующим образом:

Просвещение – это феномен культуры, выражающий базовую ориентацию исторической психологии (философский этос) второй половины XVIII века и имеющий в своей содержательной основе универсальный метод поиска основания с целью определения направленности и границ человеческого познания. Принимая во внимание быстро увеличивающийся эмпирический опыт как основную тенденцию эпохи, идеологический концепт Просвещения утверждает права человека и всесилье человеческого разума, компонентами которого являются философские и этические концепции рационализма, утилитаризма и рационализма.

В этой логике роль масонского учения будет определяться как роль активного действия российского Просвещения, претендующего на объективный поиск Истины вне политических процессов эпохи, воспринявшего, однако, энциклопедизм как основной метод поиска универсального основания бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение. Собр. соч. в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 27.

² Там же. С. 33.

³ Сахаров В. И. Иероглифы вольных каменщиков. Масонство и русская литература XVIII – начала XIX века. М., 2000. С. 5.

⁴ Сионский вестник. 1818. Кн. 2. С. 217.